

Г.В. Сачко
**Российское неоевразийство о принципах
и путях интеграции СНГ**

1. Согласно концепции исторического евразийства, сформированной русскими эмигрантами в 20–30-е гг. прошлого столетия, геополитическое пространство (приблизительно совпадавшее с границами бывших Российской империи и СССР, а теперь, добавим от себя, соответственно с территорией СНГ) – это естественное «место развития» российского этноса, славяно-тюркского по своей генетической природе.

2. Современное евразийство (неоевразийство), в отличие от гомогенного исторического предшественника, значительно дифференцировано как по субъектам (носителям), географии (Россия, Казахстан, Турция и т.д.), так и по основополагающим принципам.

3. На территории СНГ неоевразийство наиболее значимо проявляется в Казахстане (где оно и положено в основу предложенного Президентом Н. Назарбаевым Евразийского Союза), а фрагментарно практически во всех других составляющих содружество странах.

4. В отличие от Казахстанских инициатив объединения в Евразийский союз постсоветского пространства, российские проекты подобного плана мало известны. В России политическое неоевразийство (существующее наряду с теоретическим, метафизическим, геополитическим, эмпирическим и др.) представлено, прежде всего, двумя общенациональными партиями: Политической партией «Евразия» (лидер Александр Гельевич Дугин) и Евразийской партией России (председатель политсовета – Абдул-Вахед Ниязов), преобразованных из ранее существовавших: соответственно первая из Общероссийского политического общественного движения «Евразия» и вторая из Общероссийского политического общественного движения «Рефах» («Благоденствие»).

5. В программных документах обеих партий объединение постсоветского пространства провозглашается ведущим направлением политики партии. Так, в Программе первой интересующей нас партии отмечается: «Построение Евразийского Союза, всестороннее содействие интеграционным процессам является приоритетной политической задачей партии «Евразии». А в основном документе другой партии прямо указано, что «основной целью Евразийской партии России является содействие легальными политическими средствами развитию многосторонних интеграционных процессов в России и на территории всего постсоветского пространства, становлению на этой основе Евразийского конфедеративного Союза».

6. Вместе с тем доскональный анализ указанных документов по данному вопросу свидетельствует о значительных различиях в целях, задачах, а главное, основах интеграции постсоветского пространства.

7. Отличия по целям интеграции. Для Евразийской партии России (ЕПР) формирование Евразийского содружества (ЕС) на постсоветском пространстве – это стратегическое направление, и в этом плане – искомая конечная цель ее практической деятельности, поскольку достижение данной цели обеспечит включение ЕС в международное сообщество в качестве «равноправного партнера». Партия «Евразия» рассматривает интеграцию бывших стран СНГ (при всей ее важности) лишь как тактическое средство для осуществления Евразийского Проекта в планетарном масштабе. Цель этого Проекта – противодействие унитарной глобализации и отстаивание многополярной модели путем «уравновешивания атлантистского вектора через систему стратегических альянсов», в которые могут и должны объединиться большинство континентальных стран, так называемые «цивилизации Суши».

8. Различие основ (принципов) интеграции. В программе ЕПР, при всей четкости выделения принципов объединения в Евразийское сообщество, последние носят декларативно-общий характер. Такими базовыми принципами названы: «принцип гуманизма» (обращенность к человеку и его интересам), «принцип сильной государственности» (укрепление президентской власти и ее сочетание с соборностью), «принцип обращенности к семье» (возрождение крепкой российской семьи), «принцип единения» (воссоздание семьи народов). Эффективным отличием партии «Евразии» по этому вопросу является введение нового принципа «евразийского федерализма», согласно которому основным политическим субъектом является «этнос, независимо от территории его проживания». Именно в силу этого будет решаться проблема межэтнических отношений, которая в противном случае останется «миной замедленного действия», в свое время способствовавшей развалу СССР.

9. Отличия в основах интеграции накладывают, естественно, отпечаток на особенности моделей Союза и их параметры. Согласно предложениям ЕПР, Евразийский Союз – это, главным образом, «добровольное сообщество равноправных, свободных государств, выстраивающих отношения между собой на принципах согласия, ненасилия, взаимовыгодного партнерства». Это межгосударственное объединение, которое будет проводить согласованную экономическую политику на едином рыночном пространстве, сближать базовые параметры систем законодательства, создавать прочную систему общенациональной безопасности и обеспечивать равные права граждан.

Проект Евразийского Союза партии «Евразии» заметно отличается более жесткой централизацией, а потому и единством. Это, прежде всего, геополитическая конструкция с единой системой экономики, транспортных артерий, таможенным союзом, общей валютой, с единым стратегическим командованием, с общей системой коллективной безопасности, общей системой представительных органов. Более того, Евразийский союз в данном проекте – это новая форма равноправного добровольного объединения стран СНГ (с возможными добавлениями Сербии, Монголии и т.д.).

10. Как сближает, так и разъединяет анализируемые партии вопрос их собственного вклада в дело интеграции постсоветского пространства. И та, и другая заявляют в своих программных документах намерение практически участвовать в этом процессе. Однако при этом ЕПР оценивает себя, главным образом, как «инструмент перевода евразийской проблематики в сферу практической, эффективной политики, связанной с разработкой комплексных государственных и межгосударственных проектов и программ, ориентированных на стабилизацию и развитие евразийского пространства. В программе партии «Евразия» содержится специальный раздел, посвященный роли партии в интеграции стран СНГ в Евразийский Союз. Не удовлетворяясь ролью «инструмента интеграции через сообщение ей духовных (идеологических, геополитических и т.п.) оснований», партия «Евразия» намерена активно взаимодействовать с правительственными и иными инстанциями как РФ, так и стран СНГ с целью ускорения интеграционных процессов на пути организации международного движения «Евразийской Интеграции».

11. Фиксируя различия в предлагаемых моделях интеграции, целесообразным является выделение общих путей объединения постсоветского пространства. К таким общим параметрам интеграции постсоветского пространства проектов партии «Евразии» и ЕПР относятся:

- определение интеграции СНГ как приоритетного направления современной внешней политики России;
- придание особой значимости на пути этой интеграции союзу России и Белоруссии;
- ориентация в средствах и целях интеграции постсоветского пространства на пример Европейского Союза;
- оценка создания Евразийского Союза, прежде всего, как условия национальной безопасности входящих в него стран и реализации их геополитических интересов;
- рассмотрение Евразийского Союза как значимого фактора в формировании многополюсного мира и равноправного сотрудничества;

- провозглашение активного участия самих партий в непосредственной политической практике интеграции посредством: взаимодействия с родственными объединениями в странах СНГ; влияния на официальные государственные органы и политические силы стран содружества;

- выработки механизмов координации совместной деятельности;
- распространения евразийских идей и идеологии и т.п.

12. Именно эти (ставшие невольно общими у разных политических партий) направления деятельности по интеграции постсоветского пространства могут стать консолидирующим началом также и для других политических сил, ставящих сходные цели.

О.В. Семенкина

Россия в глобальном мировом пространстве: вызовы, проблемы, перспективы

Во второй половине XX в. мир претерпел масштабные геополитические изменения, преобладающими стали две тенденции: глобализация и регионализация.

Глобализация мирового пространства – объективный, качественно самостоятельный, сложный, внутренне противоречивый процесс, содержание которого составляют разнородные по происхождению, сферам проявления, механизмам и последствиям явления (интернационализация экономики, развитие единой системы мировой связи, изменение и ослабление функций национального государства, активизация деятельности транснациональных негосударственных образований и т.д.).

Преимущества мировой глобализации на сегодняшний день очевидны:

- быстрый экономический рост;
- повышение уровня жизни;
- ускорение внедрения и распространения технических новшеств и навыков управления;

- расширение прав и возможностей отдельных лиц и стран и т.д.

Также очевидны и ее негативные последствия:

- расширение круга субъектов политического рынка, влияющих на принятие решений правительств и международных организаций;
- формирование региональных экономических группировок;
- диффузия автономии международных экономических организаций;
- рост влияния ТНК.

Сейчас в мире около 30 крупнейших транснациональных компаний сосредоточили в своих руках 70% биржевых активов, что составляет почти 5 трлн. долл. Терроризм в современном мире прирос к «теневым» транснациональным финансовым сетям. По опасности для общества и мировой глобализации он сравним с ядерной угрозой времен «холодной войны».

Отрицательные стороны глобализации вызывают отторжение и критику интеграционных процессов, причем не только в научных кругах. Концепция унификации мира, предсказывающая «золотой век человечества», сталкивается с яростным сопротивлением теории «мирового заговора».

Наиболее остро негативные последствия глобализации проявляют себя в странах арабо-мусульманского полумесяца. Здесь в XXI в. разместился новый геополитический центр, к востоку от него Китай, к западу – Иран, Ирак и Саудовская Аравия.

Арабо-мусульманский регион сейчас переживает кризис псевдомодернизации, который выражается: в активизации конфликтов, перерастании локальных противостояний в международные противоречия и войны, появлении новых форм радикальной архаизации. Незавершенная модернизация порождает благоприятные условия для экстремизма и терроризма. Ситуация в регионе усложняется из-за столкновения интересов ведущих акторов мировой политики, в том числе и России.

В свете вышесказанного возникает вопрос о месте и роли России, как одной из крупнейших мировых держав, в глобальном мировом пространстве.

Россия, пережившая тяжелые последствия распада социалистической системы, сейчас вновь на распутье. Она испытывает острый кризис идентичности. Как справедливо отмечает В. Никонов, «в силу исторической традиции, инерции и географии, но главным образом из-за обладания мощным ядерным потенциалом, Россия принадлежит к клубу «великих держав»... По своему экономическому потенциалу – находится в нижней части «второго мира»..., по степени участия в информационной революции, интернационализации производства и капитала Россия ближе к «третьему» миру». При этом в стране нет ни национальной идеи, ни идеологии.

Научная полемика о месте России в глобальном мире идет в рамках трех традиционных направлений: западничество, антизападничество и евразийство.

Модели развития, созданные в рамках этих концепций, наряду с положительными, имеют существенные отрицательные последствия

для России. Так, РФ не может: не препятствовать расширению НАТО, поскольку это сведет ее роль в решении вопросов европейской безопасности к минимуму; поддерживать развитие НПРО. Россия не может стать лидером антизападного лагеря, поскольку по своим экономическим и финансовым возможностям уступает быстрорастущим гигантам «третьего мира». Россия не может занять позицию изоляции в глобализирующемся мире, так как подобная стратегия повлечет за собой глубокий экономический кризис.

Одна из основных задач для РФ на сегодня состоит в создании концепции внешней политики и дипломатии, предполагающей не конфронтационное, а позитивное взаимодействие национальных интересов страны и мирового сообщества. России, в силу ее геополитического и геостратегического положения, необходимо построить многовекторный курс, предполагающий нормальные отношения как с Западом, так и с Востоком.

Задачи российской внешней политики и дипломатии также должны способствовать стабилизации мировой ситуации. В условиях растущей угрозы глобальному миру со стороны терроризма и сепаратизма необходима работа, направленная на изоляцию экстремистских сил путем заинтересованного диалога с руководством Турции, Египта, Израиля, США, СНГ. Также для России стратегически необходимо развитие отношений с Закавказьем, ближним зарубежьем, институализация политического диалога с Турцией, конструктивное сотрудничество с Индией, Китаем, Ираном, Пакистаном, Малайзией и т.д.

А. Танирбергенов **Интеграционные процессы в Центральной Азии:** **китайский фактор**

В контексте обозначенной проблемы особо подчеркнем, что в современном мире стремительно складывается новая иерархия геополитических, политических, экономических рисков, в том числе в Центрально-азиатском регионе.

Здесь главное и значимое то, что эти процессы глубоко взаимосвязаны.

В условиях же глобализации, когда мир во многом становится един, универсален, когда средства коммуникаций позволяют информации, финансовым ресурсам, технологиям передвигаться мгновенно, решения, имеющие далеко идущие последствия, принимаются тоже быстро.

В этом есть своя логика, может быть, и иррациональная. К примеру, возьмем Центрально-азиатский регион, в частности, Казахстан, в

котором решения во многом определяются политическими, геополитическими факторами, а геополитика учитывает только экономические расчеты. Самый очевидный в этом плане пример – развитие каспийских энергоресурсов и транспортной, торговой инфраструктуры. Это обстоятельство диктует необходимость установления не иерархии, а взаимодействия, взаимозависимости явлений, в том числе рисков и угроз.

Исторический экскурс в проблему показывает, что великие европейские мыслители и политики на протяжении многих веков мечтали о Единой Европе. Путь к единению был долог и тернист. Современная Азия разнородна по этническому, политическому и культурному составу. Здесь равноправно сосуществуют не только народы, но и мировые цивилизации. Потому важно понять, что интеграция в Евразии – не только пожелания, но и реальность. В нашем регионе это Шанхайская организация сотрудничества, ЕврАзЭС, СНГ. Также особое место занимает инициатива по созыву СВЭМДА – совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, форума, в рамках которого главы государств ставят и открыто обсуждают проблемы региона.

Думается, что в этой палитре различных организаций первостепенное значение будет отводиться укреплению взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Данная структура, как указано в Декларации, становится важным фактором поддержания мира, безопасности и стабильности в регионе, одним из опорных элементов будущей конструкции многополярного мира. Организация объединяет ряд крупных держав континента. Так, сегодня в состав ШОС входят Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

ШОС внимательно следит за событиями в мире и на континенте, именно поэтому особенно ярко отреагировали страны ШОС на акт терроризма в США Заявлением Министров иностранных дел 11 сентября 2001 г., где было подчеркнуто, что борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – одна из главных целей ШОС.

Сегодня страны ШОС отмечают, что они значительно продвинулись вперед в антитеррористическом сотрудничестве. Доказательством служит то, что фактически завершена процедура ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписано Соглашение о Региональной антитеррористической структуре (РАТС) ШОС. Нет сомнений, что ШОС обладает большим потенциалом для выполнения важной роли в деле борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и соответственно обеспечения надежной региональной безопасности. ШОС придерживается принципа открытости и готова развивать диалог и сотрудничество с

другими государствами и международными организациями в различных формах.

Безусловно, что ШОС принимает на себя задачи неотъемлемого и активного компонента глобальной антитеррористической коалиции и готова к расширению взаимодействия с мировым сообществом в целях противоборства с терроризмом и обеспечения регионального и международного мира и стабильности.

В целом эти обстоятельства, которые имели место после 11 сентября в контексте контртеррористической операции в Афганистане, имеют положительные моменты для Китайской Народной Республики. Но очевидно и то что, у кампании в Афганистане была и обратная сторона, касающаяся интересов Китая. Детализируем их. Речь идет о появлении военных баз США и их союзников на территории двух центральноазиатских государств – Кыргызстана и Узбекистана, одно из которых граничит с Китаем, другое, хотя и не граничит, но декларирует свое членство в Шанхайской организации сотрудничества.

Известно, что Китай достаточно настороженно отнесся к этим изменениям, во многом увидев в создании военных баз в центральноазиатских республиках долгосрочную перспективу угрозы своей безопасности. Причем китайские эксперты открыто заявляют, что эти союзы в отдаленной перспективе будут направлены против Китая и что операция в Афганистане является лишь поводом для сосредоточения военной инфраструктуры США у западных границ КНР.

Ряд стратегических договоренностей России и Запада, в частности, по ПРО, ядерному разоружению, новому формату взаимоотношений с НАТО, существенно повышающих уровень сотрудничества Альянса и России, был встречен в Пекине с определенным опасением из-за своих интересов в близлежащих регионах и в целом, по стратегическим вопросам в мировой политике.

В этой связи политика Китая, который все эти годы создавал по периметру своих границ зону стабильности и безопасности, что должно было способствовать внутренним реформам, столкнулась с рядом проблем, а именно: один из ключевых принципов в евразийском направлении внешней политики Китая – принцип безопасного соседства – сегодня претерпевает проверку на прочность. Все эти факторы в совокупности делают современное геополитическое положение КНР в Центральной Азии неопределенным. В связи с этим и Пекин вынужден конкретизировать свои основные задачи во внешней политике в евразийском направлении.

Так, например, в настоящее время официальный Пекин занят разработкой новой модели взаимоотношений с США в условиях их

военно-стратегического присутствия к западу от КНР и сближения между Америкой и Россией.

Список же проблемных областей, где позиции КНР и США резко расходятся, достаточно внушителен. К ним относятся противоракетная оборона США; тайваньская проблема; корейский вопрос; американо-японские союзнические отношения; американо-индийское военное сотрудничество; политика в отношении Ирана и Ирака; расширение НАТО на восток; балканский вопрос. Это означает, безусловно, что и при новом китайском руководстве отношения между КНР и США будут достаточно непростыми.

Переводя все это в плоскость реальной политики, можно смело утверждать, что Китай хотел бы стать в новом веке стратегическим партнером для США. Однако наличие ряда серьезных геополитических противоречий между КНР и США, из которых главным является Тайвань, будет регулярно осложнять китайско-американские отношения в будущем. Это означает, что на среднесрочную, а возможно, и долгосрочную перспективу Китай будет постоянно искать партнеров (прежде всего в лице России) для противовеса Америке и пытаться наращивать свое присутствие в Центральной Азии. С другой стороны, военные базы США в Центральной Азии, при осложнении взаимоотношений между этими странами, дают определенные перспективы Вашингтону.

Таким образом, возникает тенденция, указывающая на то, что западное направление во внешней политике Китая будет приобретать все большее геостратегическое значение наряду с юго-восточным.

В этой связи акцентируем внимание на том, что в Центральной Азии существует примерно три сценария развертывания ситуации в контексте китайских интересов.

Первый сценарий – расширение сотрудничества России и США, укрепление военных баз, снижение влияния Китая, проведение Пекином политики отстраненности от дел региона, поддержание в основном экономических контактов. Естественно, что это не самое благоприятное развитие событий для Пекина. Хотя в настоящее время существует практически полный набор политических предпосылок для реализации такого варианта, ряд моментов указывает на то, что в полной мере его осуществление невозможно. Расширение сотрудничества между Москвой и Вашингтоном имеет свои естественные пределы, которые детерминированы различными подходами ко многим международным проблемам, в том числе по Ирану, Ираку, Каспийскому морю и т.д.

Второй сценарий – усиление конфронтации между Китаем и США, принципиальная позиция Китая в региональных вопросах, уси-

ление взаимодействия с Россией, определенное влияние на государства Центральной Азии.

Конечно же, такой гипотетический сценарий, думается, привел бы к дестабилизации ситуации в регионе, нарушению устоявшихся экономических связей, неизбежному росту терроризма, экстремизма и сепаратизма.

Третий сценарий – большее вовлечение Китая в дела региона, снижение угроз безопасности Китаю, активная политика Пекина, расширение сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Это желательный для Китая вариант.

В целом же нет какого-либо жесткого сценария, и многое зависит и будет зависеть от действий Китая и центральноазиатских государств.

Если рассуждать о геополитических перспективах Китая в Центральной Азии, то они, на наш взгляд, зависят от нескольких моментов и одновременно составляют содержание третьего сценария (в контексте политики Китая). Выделим их суть и смысл:

- умение сохранить в регионе невраждебную обстановку, избежать угрозы силы или самой силы в решении спорных вопросов, отсутствие прямой конфронтации с рядом стран, несмотря на проблемные моменты;
- предотвращение расширения военного присутствия США в регионе посредством переговоров с США, Россией, странами ЦА;
- укрепление договорной базы со странами региона, Россией по обеспечению безопасности; более активное участие в обеспечении безопасности, прежде всего, для борьбы с экстремизмом, терроризмом и наркобизнесом;
- предоставление широких гарантии безопасности для стран региона;
- развитие ШОС, его военно-политической компоненты;
- более активное участие в экономических процессах, происходящих в регионе, активизация экономического сотрудничества между Китаем и государствами региона.

В целом думается, что без активного вовлечения Поднебесной в процессы, связанные с обеспечением безопасности в Центральной Азии, в глобальную контртеррористическую операцию, в процессы, идущие в Афганистане, Ираке, проблематична будет ситуация как в Центрально-азиатском регионе, так и в более широком международном контексте.

К тому же думается, что, по всей видимости, без активного участия Китая или, по крайней мере, без учета его интересов в обеспече-

нии безопасности и стабильности ни одна система региональной безопасности в Центральной Азии не будет достаточно действенной и перспективной. Благоприятная для Китая линия может быть реализована, несомненно, при соответствующей взвешенной политике со стороны самого КНР.

Е.В. Уфимская
**К вопросу о немецкой идентичности:
западные и восточные немцы
после объединения Германии 1990 г.**

3 октября 1990 г. в истории Германии появился новый праздник, озвученный словами национального гимна Йоханнеса Р. Бехера: «Германия – единое отечество». Этот гимн не исполнялся 28 лет – всю историю существования Берлинской стены, и потому снова зазвучавшие строки ознаменовали собою великое событие – объединение Германии! Главное наследие Второй мировой войны – «германский вопрос» – отныне обрел свое долгожданное завершение!

Примерно такими словами были расцвечены страницы европейских, и, в первую очередь, немецких газет. Восточные немцы, опьяненные свободой и собственной смелостью, которая позволила им совершить «Ноябрьскую революцию 1989 г.», ликовали как дети. Однако все еще с привычной осторожностью и даже опаской они начинали верить в то, что Западная Германия теперь не за граница, что отныне не будет разделения Германии на Западную и Восточную, Германия теперь едина... Действительно, в 1989 г. на руинах Берлинской стены и осенью 1990 г. было легче поверить в обретенное единство, чем в последующий период после объединения, когда, казалось бы, каждый новый год должен был приносить большую уверенность и крепость единой немецкой нации. Однако, как только улеглись эмоции и всеобщая эйфория сменилась буднями и заботами нового государства, главные действующие лица – немецкие граждане – поспешили занять свои привычные места в западной и восточной частях объединенной страны.

За десять лет до окончания XX столетия Германия была объединена во второй раз. Впервые в 1871 г. этот шаг был сделан Отто фон Бисмарком. Тогда прошло немало времени, прежде чем немцы стали ощущать себя единой нацией, однако продолжалось это недолго – до 1945 г.

В чем же выражаются логика и содержание этого понятия «внутреннее единство», и способно ли время изменить его смысл? Единство нации, государственная идеология, самосознание нации, национальная идентичность – все эти смысловые категории, существовавшие в разное

время, отражали один и тот же вопрос: что связывает представителей одного общества и государства в единое целое, превращая их в нацию – невидимую силу государства, его внутренний стержень и опору?

Размышления о понятии «нация» обращают вопрошающих о нем к формулировке Эрнеста Ренана, прозвучавшей в его докладе, зачитанном в Сорбонне в 1882 г.: «Нация – душа, духовный принцип. Две вещи составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна из них принадлежит прошлому, другая – настоящему. Первое – это совместное владение богатым наследием воспоминаний, второе – настоящее согласие, желание жить вместе».

Михаэль Мертец – заместитель главного редактора газеты «Rheinischer Merkur» – вносит еще одну составляющую в понятие «нация». По его мнению, между общим прошлым и желанием строить новое будущее есть еще способность и желание к прощению. В отношении немецкой идентичности эта составляющая приобретает решающее значение. Речь идет о большом «немецком комплексе» виновника Второй мировой войны, ответственного за все преступления и жертвы в этой войне. В этом смысле немцам необходимо суметь пережить этот позор, простить самих себя, а также быть прощенными со стороны тех, кто оказался жертвой этой войны.

Объединение Германии неизбежно поставило вопрос о национальной самобытности этого обновленного государства, однако сегодня, спустя 13 лет после объединения, в Германии до сих пор существует негласное разделение на восточных и западных немцев. Возразить на это утверждение можно, сославшись на то, что 10, 13 лет – срок очень малый для того, чтобы единство было осмысленным, а значит, истинным. Но вместе с тем проблема германского единства упирается не только в сроки, прошедшие после эксперимента под названием «объединение».

После того, как состоялось внешнее объединение, т.е. когда восточная часть Германии получила статус новых федеральных земель, правительство обнаружило целый ряд вопросов, обязательных к решению. На первое место вышли проблемы уравнивания экономических показателей ФРГ и ГДР, второе место получили проблемы социальной политики, и лишь проблемы психологической адаптации восточных немцев оказались в списке не первостепенных. Речь идет о восточных немцах потому, что в сложившихся условиях именно восточные немцы должны были принимать правила игры Европейского общества, по которым давно развивалась Западная Германия; перестраивать свое мировоззрение; принимать новые ценности, отказываясь от сложившихся за сорок лет в ГДР. Такое «объединение» действительно можно

считать только внешним, хотя объективно никто и не пророчил желаемого единства раньше, чем через десять лет. Но, как мы видим сегодня, первого десятилетия пока не хватило для того, чтобы немцы перестали делить друг друга на западных и восточных, северных и южных.

Вопрос о единстве немецкой нации был учтен и прописан еще в Основном законе законодательства ФРГ. По словам Г. Ланггута, фундаментальное значение имела ст. 116 Основного закона, когда путем определения понятия «немец» было установлено единое немецкое гражданство. Данный правовой институт стал наиболее важным инструментом институциональной связи немцев, так как обеспечивал гарантированное Конституцией право граждан ГДР на равное с местными жителями обращение с ними в ФРГ. Казалось бы, нет оснований упрекать немецкое правительство в том, что оно не позаботилось о более благоприятных условиях формирования духа единства внутри немецкого общества. Однако вопрос о немецкой идентичности превратился в проблему под влиянием нескольких существенных факторов: первый из них состоит в том, что срок существования двух государств одной нации был слишком велик или недостаточен для того, чтобы не дать сохраниться былому немецкому единству.

Второй фактор – разность общественных режимов в ФРГ и ГДР, превратившая западных немцев в европейцев по собственному желанию, а восточных вообще изолировавшая от процесса европейской интеграции.

Существует мнение, что, несмотря на усилия могущественной СЕПГ, эта партия так и не смогла сформировать собственной национальной идентичности населения Восточной Германии. Понятие «нация» у восточных немцев связывалось с понятием классов, классовой борьбы и социализма, и на этой основе должна была образоваться новая социалистическая нация. Однако о сформировавшемся социалистическом национальном самосознании в Восточной Германии говорить нельзя.

Действительно, если вспомнить, что идейным вдохновителем и наставником СЕПГ являлась коммунистическая партия СССР, а модель советского государства стала образцом ГДР, то было бы логично сравнить эти два государства и убедиться в их близком сходстве или различии. В этом смысле восточные немцы совсем не были похожи на советских граждан СССР, т.е. к единой «социалистической нации» их отнести нельзя.

Нельзя было отнести их и к европейцам, которых представляли на тот момент западные немцы. В силу имеющихся фактов напраши-

ваются печальный, неприемлемый для многих теоретиков-германистов и обидный для самих немцев вывод о том, что сорок лет германского раскола оставили в мировой истории не только биографию двух государств – ГДР и ФРГ, но создали все условия для складывания двух наций внутри одной – немецкой.

Но так или иначе, вопрос о немецкой идентичности был полностью оправдан событиями 1989 г. Как пишет М. Мертес, «тогда восточные немцы внесли в германскую историю нечто очень редкое и – более того – ценное: люди в Лейпциге, Росток и в других городах преодолели свой страх и успешно боролись за свободу, право и демократию. Они вручили всем немцам «входной билет» в общество тех наций, которые обладают собственной революционной традицией... Сейчас немцы могут общаться с англичанами, голландцами, французами и американцами с большим чувством собственного достоинства, чем до 1989 г. Это подарок, который восточные немцы сделали для всей нации».

На протяжении всего 1990 г. шел процесс привыкания западных и восточных немцев друг к другу, что выражалось в многочисленных манифестациях под лозунгами: «Германия – единая Отчизна», хотя большую активность в требованиях обретения единой Германии проявляли, конечно, немцы Востока. Заметно менялись результаты опросов общественного мнения. Еще в ноябре-декабре 1989 г. около 50% жителей ГДР отвергали идею объединения, с безоговорочной поддержкой этой идеи выступили лишь 16%. Однако в январе-феврале 1990 г. уже 79% опрошенных выступили за объединение страны. Патриоты и ярые ревнителы немецкого единства к мотивам подобных позиций относят вызревшее стремление немцев к национальному единению, прагматики же склонны видеть в этом, например, продолжавшееся ухудшение экономической конъюнктуры на востоке страны. И те, и другие по-своему правы, но вряд ли стоит отрицать необходимость экономически здоровой базы для всяких реформ, тем более таких, которых требовала страна, прожившая сорок лет в состоянии раскола на два государства. Постоянные контакты на правительственном уровне, создание совместных комиссий, регулирующих разные сферы общества, встречи восточных и западных предпринимателей, «круглые столы» – все это, так или иначе, укрепляло стремление немцев к новым отношениям и новой жизни в объединенном государстве.

Но состояние всеобщего воодушевления по поводу предстоящего объединения, появления единой Германии и новых перспектив закончилось довольно быстро, как только идея об объединении перестала быть таковой и начала свое практическое воплощение. Причем здесь

можно выстроить прямую пропорциональную зависимость динамики общего, в первую очередь ГДРовского, стремления к единству нации от размера финансовых вливаний Запада в восточную экономику страны. Призывы к обретению былой силы немецкой нации стали утихать, как только восточные немцы испытали первое разочарование, увидев воочию, как же далеко несопоставимы уровни жизни двух государств. И самое главное состояло в том, что достижение этого уровня требовало от западных немцев в основном крупных инвестиций в экономику ГДР (что уже немало), а от восточных – полной перестройки их восточного немецкого самосознания.

Всякое мировое событие дарит истории новые термины. Применительно к объединению Германии можно назвать: германский раскол, Берлинская стена, «германский вопрос», единая Германия, единая Европа и... «стена в головах». Символическая граница, разделявшая Берлин на две части, разрушена, но смогли ли забыть о ее существовании немцы?

Десять лет единства привели к некоторому сближению, создавшему новую «нормальность». Однако обретение германского единства было сопряжено с большой жертвой – утратой утопии. Постепенно, у многих мучительно долго рассеивались иллюзии о «лучшем обществе», которое восточные немцы отождествляли с западным. Тот, кто сначала думал, что единство – это синтез лучшего из двух частей, очень скоро об этом забыл. Предполагаемого синтеза не получилось, и, по мнению исследователя И.А. Петрова, одним из основных препятствий в этом стал «ментальный барьер», обоснованный, прежде всего, преобладанием различных доминант в структуре западного и восточного социального характера. Различие этих характеров выражается как в семейной и социальной жизни, так и в уровне и содержании самооценки, в ценностных предпочтениях, в отношении к работе, досугу, деньгам и т.д. Все это и определяло ситуацию, в результате которой восточный или, соответственно, западный немец воспринимал своего соотечественника по ту сторону германо-германской границы в качестве этнически чуждого. Прямым доказательством таковой отчужденности, по мнению Петрова, являются слова, появившиеся и устойчиво закрепившиеся в немецком языке особенно после объединения страны, а именно – это «Ossie» и «Wessie». Существование таких словечек лишь подчеркивает то, что население объединенной Германии до сих пор не научилось говорить о немцах вообще. И восточные и западные немцы обозначают старые или новые федеральные земли в качестве некоего пространства, до сих пор находящегося «по ту сторону» воображаемого рубежа. Принимая гостей из восточной или западной час-

тей ФРГ, западные или восточные немцы до сих пор говорят: «У нас гости «оттуда» («von druben»).

Люди, выросшие под знаком маркетингово-ориентированного социального характера, т.е. западные немцы, должны быть гибкими, мобильными, современными, активными, привлекательными, уверенными в себе, эффектными, достигать успеха, умными, открытыми, толерантными, целеустремленными и полными жизни, хладнокровными, предсказуемыми. Тех, кто вырос в условиях авторитарного общества, такие люди воспринимают жалкими, неопрятными, послушными, покорными, лояльными, истеричными, безропотными, старомодными, пассивными, неквалифицированными. В общем и целом – это «неудачники», «loosers», по отношению к которым необходимо держать дистанцию. В целом среди западных немцев широко распространено мнение, что их соотечественники с востока «многого не знают, многого не понимают. Создается впечатление, что они в растерянности стоят перед целой горой ранее неизвестных им нововведений и проблем, обычных для нас... Они как маленькие дети...». Западных немцев раздражает их медлительность и рутинное отношение к работе: «Они просто до сих пор не отвыкли от работы по принципу «А нам все равно»... Они должны еще многому научиться...».

Как отмечает немецкий публицист Петер Бендер, «западные немцы всегда имели счастье быть самодостаточными и не нуждаться в восточных немцах. Поэтому они мало интересовались ими, знали о них немного и допускали ошибки в обращении с ними. «Вы списали нас со счетов», – звучало обвинение со стороны восточных немцев во времена существования ГДР и даже ранее. Когда стало вырисовываться объединение Германии, 80% граждан Федеративной Республики были за него, они также поддерживали его, но не слишком активно – у большинства были более важные дела на уме. Они внимательно, с удивлением и зачастую с радостью следили за развитием событий в 1989–1990 гг. Но после объединения интерес упал практически до уровня, существовавшего во времена раскола Германии».

Кроме того, Бендер доказывает одно важное положение, суть которого состоит в том, что западные и восточные немцы по-разному понимают такие категории, как равенство и свобода. Если для западных немцев свобода есть высшая ценность, а равенство, к которому так привыкли жители бывшей ГДР, способно эту свободу отнять, то для восточных немцев демократия с ее конкурентной борьбой во всех сферах жизни, не ограничивающая людей в выборе средств этой конкуренции, является источником несправедливости. Равенство – это не ценность в сегодняшней Германии, а, скорее, пережиток, от которого

следует избавиться. Но ведь с самого начала объединения Германии проблема соотношения ценностей не была приоритетной. Присоединение ГДР к ФРГ автоматически обязывало первую жить по нормам западного общества. Но мысли о том, что эти нормы могут быть не приняты восточными немцами, похоже, не допускалось.

Сегодня сближение немцев не является предметом обсуждения, разве что в тех случаях, если какая-нибудь годовщина заставляет делать признания, подводить итоги или высказывать предупреждения, что делается тогда в избытке. На Западе многие считают, что дело сделано и все само собой разрешится по прошествии определенного времени. На Востоке многие полагают, что дело испорчено и ничего уже не изменишь. И обе стороны не видят особого смысла в том, чтобы продолжать диалог. Это вызывает отчаяние. С противоположными мнениями еще можно спорить, но против равнодушия и пессимизма нет никаких приемов. Надежда западных немцев на время и позиция отчаяния и безысходности восточных немцев в вопросе обретения единства нации понятны и объяснимы с точки зрения их менталитета. Здесь важно уяснить, что единство станет возможным только в условиях обоюдной работы в этом направлении и восточных, и западных немцев.

Возвращаясь к определению нации, данному Эрнестом Ренаном, и анализируя его главные составляющие – коллективную память и обоюдное будущее, можно говорить о том, что эта формула французского ученого успешно работает на примере германской идентичности сегодня: можно предположить, что история предоставляет каждой нации возможность проверить на прочность собственную самобытность. Как правило, такими возможностями являются крупные мировые события. Исторической проверкой крепости нации явился распад СССР в 1991 г. для россиян и населения всех союзных республик, военная операция НАТО в Югославии 1999 г. для ее жителей, теракты в США 2001 г. для американцев. Объединение Германии в 1990 г. логично пополняет этот список. Так или иначе, все эти события становились своего рода рубежом для истории каждой отдельной нации. Однако, говоря о германской идентичности, нельзя не вспомнить еще один исторический шанс, предоставленный немцам укрепить их нацию – это Вторая мировая война и ее окончание. Поражение немцев, каким бы неприглядным оно ни являлось, было вписано в германскую историю как реальность, которую необходимо было пережить вместе. Но этого не произошло в результате разделения Германии на два государства в 1949 г. Раскол продолжался около сорока лет – срок, который безвозвратно похитил у немцев возможность накопить коллективную память

послевоенного существования. Безусловно, этот багаж стал бы не самой выдающейся страницей германской истории, но тем более ценной. Потому что выстраданная история и прошлое укрепляют нацию сильнее всего остального. Объединение же Германии 1990 г. вновь поставило перед немцами те же задачи, что и сорок лет назад, когда, кажется и мир был совсем другим: сегодня западные и восточные немцы должны создать общую историю, накопить свою коллективную память, привыкнуть друг к другу настолько, чтобы прекратить разделение на западных и восточных; в какой-то мере им придется простить друг друга за то, что сорокалетний раскол так изменил их, сделав едва ли не этнически чужими друг другу, и, наконец, завершающей стадией станет их твердая убежденность продолжать свою историю вместе.

Кажется, что сегодня немцы находятся одновременно на всех трех стадиях складывания новой германской идентичности, но самая важная из них, пожалуй, первая – общая история. Качество этой составляющей идентичности напрямую связано с временным показателем. Другими словами, немцам потребуется еще немало времени, чтобы обрести свою историю, пережитую после объединения страны.

И в этом смысле для окончательного сдвига, для изменения внутреннего содержания «германского вопроса» необходима смена поколения. Им станут люди, родившиеся после падения Берлинской стены, которые не будут нести груз истории ГДР и ФРГ, это будет поколение, рожденное уже в объединенной стране.

Йоахим Гаук сказал: «До тех пор, пока немцы чувствуют себя комфортнее при мысли, что наша нация все еще обречена на раскол, до тех пор, пока мы считаем себя исключительным народом преступников – до тех пор мы не поймем, насколько ценен подарок восточных немцев для нашего коллективного сознания. Но если нам не удастся встроить положительный опыт в нашу самооценку, то горе нам!»

«Германский вопрос», завершившийся объединением Германии, вызывает различные трактовки, суждения и оценки как проблема международной политики, начиная с 1945 г. и заканчивая последним десятилетием XX в. Но в одном теоретики-германисты, политологи, социологи и историки сходятся без очевидных разногласий: через 20–30 лет Германия станет значительно сильнее изнутри, достигнув той степени национального единения в обновленной стране, о которой сегодня пока только приходится говорить. Что ж, первое десятилетие уже миновало, и, возможно, вскоре в германистике появится новая тема феномена национальной германской самобытности, воспитанной в сокращенные сроки в объединенной Германии.

Литература

1. Амплеева А.А. Трудный путь к единству // Объединенная Германия: десять лет: Проблемно-тематический сборник / ИНИОН РАН. М., 2001.
2. Лангут Г. Немцы в поисках безопасности. М., 1995.
3. Мертеc М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М., 2001.
4. Мертеc М. Прошлое, живущее в настоящем // Internationale Politik. 2000. №9.
5. Павлов Н.В. Объединение или рассказ о решении германского вопроса с комментариями и отступлениями. М., 1992.
6. Mai U. Kulturschock und Identitätsverlust // Geographische Rundschau. 1993. № 4.
7. Rosche de Weck. Ungewichte Freiheit // Deutschland. 2000. №4.
8. <http://www.embassy.debis.ru>
9. <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru>
10. <http://www.history.mchaon.ru>
11. <http://www.tolerance.ngo.ru>

Ю.Г. Чернышов

Место России в мире: кризис утопической самооценки

В последние годы нет недостатка в конференциях и публикациях, посвященных проблеме места России в мире. Активно обсуждаются геополитические аспекты этой темы, выбор цивилизационного пути развития, вопрос о содержании российской «национальной идеи» и т.д. Участники дискуссий зачастую полярно различаются и постановкой проблемы, и методами исследования, и конечными выводами, однако почти все они сходятся в том, что современная Россия переживает явно затянувшийся кризис идентичности. Между тем эта нерешенная проблема приобретает еще большую актуальность на фоне последних событий, меняющих контуры мирового порядка: таких, как события 11 сентября 2001 г., военные операции США в Афганистане, в Ираке и т.д. России необходимо определяться в том, какую именно роль она намерена играть в грядущем миропорядке.

Не пытаясь рассмотреть все аспекты этой огромной темы, я хотел бы остановиться лишь на одном из них – на проблеме «утопической самооценки». Сам этот термин нуждается в пояснении. Говоря о «самооценке», мы будем иметь в виду широко распространенные в массовом сознании и закрепленные на уровне государственной идеологии представления о собственной стране, о ее месте и роли в мире. При этом определение «утопическая» восходит к термину «утопия», который подразумевает произвольно конструируемые представления об идеальном общественном состоянии, отделенном от реальности опре-

деленным расстоянием – хронологическим или пространственным. В данном случае речь будет идти о хронологическом расстоянии, т.е. о том идеальном образе страны, который помещается в будущее. Говоря об «утопической самооценке» места России в мире, мы будем говорить о тех идеальных представлениях, которые связаны с ролью России в будущем мироустройстве.

Тема «утопической самооценки» не может быть раскрыта без экскурсов в историю. Особый интерес для нас представляет история многоэтнических и многоконфессиональных держав, создававших тот опыт утопических самооценок, который был использован при формировании традиций Российского государства. Один из первых примеров этого – опыт древнеримской державы, в которой на рубеже старой эры и новой эры окончательно сформировался «римский миф», содержащий идею об особом историческом предназначении Рима.

Пожалуй, наиболее ярко эту идею выразил поэт Вергилий. В «Энеиде», этом своеобразном государственном эпосе, особое место занимает пророчество о том, что спустя десять веков после Энея появится Август, при котором в Италию вернется золотой век, а границы римской державы продвинулись за пределы Индии, до края земли. И далее следует знаменитое суждение об особой миссии римлян: «Римлянин! Ты научись народами править державно – в этом искусство твое! – налагать условия мира, милость покорным являть и смирать войною надменных!». Этот комплекс идей о грядущем императорском золотом веке широко пропагандировался в официальных документах, в чеканке монет, в памятниках архитектуры и искусства. И уже тогда проявились характерные этапы развития утопических идеологий: произошла эволюция от «народной» утопии к «официальной» утопии и затем к апологетике. Подобные этапы прошли утопические идеологии во многие эпохи и во многих странах.

Идею об особом предназначении того или иного народа в литературе нередко называют «мессианской». Особенно часто это делают применительно к России. Так, например, нередко встречаются суждения, что в истории России были две «структурно подобные мессианские мифологемы» – «Москва – третий Рим» и «Третий Интернационал». Нам бы не хотелось расширительно трактовать термин «мессианизм», тесно связанный со специфическими иудео-христианскими представлениями о «божьем помазаннике» и т.д. Возможно, более корректно было бы говорить здесь о «миссионизме» как об идее о высшем предназначении какого-то народа или государства – «осчастливить» весь остальной мир (принести ему «золотой век», «коммунизм», «демократию» и т.п.) после установления своей власти. «Мис-

сионизм» тесно связан с утопическими самооценками, поскольку он несет в себе идеальные представления о благотворной роли собственной страны, о ее особом месте в мире.

В истории, как известно, «миссионизм» зачастую появлялся на той стадии развития империй, когда они находились на подъеме, когда им удавалось добиться первых серьезных успехов в завоевании геополитического пространства. В определенной мере это можно рассматривать как идеологическое обоснование экспансии, попытку придать ей благородный и «санкционированный свыше» смысл. Внимательный анализ этапов становления таких «утопических самооценок» показывает, что на ранних стадиях развития данных народов и государств не обнаруживается сколько-нибудь четко сформулированных концепций собственной особой миссии. Разумеется, в этих случаях, как правило, уже присутствовало разделение «свой-чужой», были выработаны механизмы самооправдания и самовозвеличивания. Однако сама идея о «мировой миссии» оформляется позже, и именно под ее влиянием затем создаются исторические мифы о «божественном первоисновании», «божественном завете», «предназначении» и т.д. В Европе через это прошли в разное время многие страны – Германия, Великобритания, Италия, Испания, Франция, и др. Сейчас, безусловно, самым явным претендентом на такую роль выступают США, преследующие повсюду «мировой терроризм» и «несущие свободу» с использованием высокоточного оружия.

Россия, как уже отмечалось, неоднократно переживала периоды увлечения «миссионизмом». Помимо уже названных мифологем, можно назвать еще ряд концепций: «святая Русь», «православие, самодержавие, народность», панславизм, евразийская миссия и т.д. Однако XX в. стал веком крушения многих не только традиционных, но и новых концепций. Пришедшая из Византии концепция православной империи рухнула в начале этого века вместе с архаичным царским режимом. Пришедшая ей на смену идея «мировой революции» и освобождения мирового пролетариата лишь на короткое историческое время позволила придать новое дыхание утопической самооценке. Вместе с крушением Советского Союза и других коммунистических режимов эта концепция также утратила актуальность. Еще короче оказалась популярность либерально-западной утопической идеи о скором превращении России в Европу.

В посткоммунистической России лишь политические маргиналы говорят о радужных имперских перспективах. Примечательно, что даже в их устах подобные речи раздаются все реже и реже. Сейчас вообладала трезво-пессимистичная оценка возможностей нашей страны

на мировой арене, причем такая оценка иногда граничит с «самоуничижением».

Несомненно, серьезную роль в этом кризисе утопической самооценки играет массовое осознание реального положения вещей. Факты говорят о том, что Россия по многим показателям серьезно отстает от ведущих стран мира. Достаточно привести лишь некоторые сравнительные данные. По уровню жизни мы находимся на 71-м месте в мире. По этому показателю нас обогнали не только промышленно развитые страны, но и ряд стран Африки. По уровню коррупции наша страна на 81-м месте в мире (всего в рейтинге – 91 позиция). По продолжительности жизни мужчин Россия занимает 145 место в мире, женщин – 100-е. Если в 1990 г. численность населения России составляла 148 млн. человек, то сейчас – 143 млн. человек. Прогнозируется, что к 2010 г. произойдет снижение до 130 млн. человек, а к 2050 г. население России будет составлять 70 млн. человек. Россия в этом году потратит на оборону примерно 10,5 млрд. долл. США. Это в 30 раз меньше американских расходов на национальную оборону. В целом же бюджет США оценивается в сумму 2,13 трлн. долл. Он больше российского в 33 раза.

Осознание этих реалий, несомненно, нашло отражение в новой Концепции внешней политики и в опубликованном одновременно Послании Президента Федеральному собранию. Говоря о выборе стратегии дальнейшего развития, Президент подчеркнул, что «единственным для России реальным выбором может быть выбор сильной страны, сильной и уверенной в себе. Сильной не вопреки мировому сообществу, не против других сильных государств, а вместе с ними». Эта идея была подчеркнута и в президентском Послании 1993 г. Итак, Россия больше не претендует на то, чтобы быть «самой сильной», но хочет быть «сильной вместе с другими сильными». Это перекликается с приматовской риторикой о «многополярном мире», но в путинской фразеологии встречается много новых терминов – «прагматизм, экономическая эффективность, приоритет национальной задачи». Как справедливо отмечают комментаторы, этот новый язык «апеллирует не к державному комплексу, но скорее отсылает к языку современного менеджмента, как и сама логика текста: постановка задачи, оценка ресурсной базы, условий и ситуации на рынке».

Подводя краткий итог, мы хотели бы отметить, что утопическая самооценка часто сопутствовала имперским амбициям того или иного государства. Кризис такой самооценки для России – закономерное отражение реальной ситуации и в стране, и в мире. К тому же и православие, и коммунизм во многом уже исчерпали заряд своей утопической

энергии, мобилизующей на экспансию (подчеркну: речь идет именно о «мобилизационном потенциале», а не о жизнеспособности этих идеологий). Попытки искусственно синтезировать из христианства и марксизма некую новую имперскую «национальную идею» в ближайшее время, на наш взгляд, обречены на неудачу. Однако это вовсе не снимает с повестки дня проблему национально-государственной идентичности, проблему формирования позитивного образа России в мире. В нынешней ситуации наиболее оправдан именно реалистичный подход, направленный на то, чтобы Россия занимала достойное место «сильного среди сильных». Что же касается имиджа России, то имперские амбиции могут лишь повредить ей в восстановлении связей со странами ближайшего окружения. Имидж России было бы полезно развивать и пропагандировать с опорой не на пугающие имперские стереотипы, а на экономическое сотрудничество и лучшие гуманитарные традиции российской культуры. Нужно демонстрировать реальные выгоды сотрудничества с Россией – только так в нынешних условиях можно стимулировать интеграцию со странами ближнего и дальнего зарубежья.

(Доклад, прочитанный на III Всероссийском Конгрессе политологов. Москва, ИНИОН РАН, 28 апреля 2003 г.).

А.С. Чесноков

**Цивилизационная парадигма как методология
исследования интеграционных и дезинтеграционных
процессов на восточноевропейском
и постсоветском пространстве**

Проблема того, насколько серьезно религиозные факторы влияют на отношения между странами, довольно давно занимает многих экспертов и аналитиков. Известный американский политолог С. Хантингтон еще в 1994 г. в своей книге «Столкновение цивилизаций и установление нового мирового порядка» недвусмысленно указал на то, что XXI в. станет веком конфликта цивилизаций, когда основным двигателем как внутри-, так и внешнеполитических отношений в мире станут императивы, заложенные в культурное ядро каждой цивилизации. Цивилизации сложились и получили свои культурные и географические очертания многие столетия назад, однако именно сейчас, в период масштабных мировых трансформаций, сложились условия, необходимые для повсеместного проявления характера и имманентных особенностей каждой цивилизации вовне – в сферу международных отношений.

Хантингтон не случайно классифицирует выделяемые им типы цивилизаций не только по географическому, но и по религиозно-

этническому основанию, имея в виду, что константность каждой цивилизации строится именно на схожей религиозной и культурной идентичности народов, конституирующих одну цивилизацию.

Исторически сложилось так, что на территории Европы пересеклись ареалы и интересы несколько цивилизаций, и одной из них стала Восточноевропейская, представленная, прежде всего, Россией. Однако цивилизационный конфликт, издавна разделивший Европу, зрел и внутри самой России. Российская Империя попыталась объединить несколько цивилизаций под эгидой только одной из них – восточноевропейской, а имперское единство поддерживалось экспансионистским потенциалом русских и православием как государственной религией. В советское время цивилизационный конфликт скрывался под иллюзией «семьи социалистических народов». Однако очевидно, что ни имперская, ни советская, ни даже современная российская федеративная модели государственности вовсе не решают проблему внутреннего межцивилизационного конфликта. Не случайно одним из основных процессов, сопутствовавших распаду СССР, стала эскалация религиозных и межнациональных противоречий.

Интолерантность, ставшая нормой в межнациональных отношениях в первой половине 90-х гг. XX в. на всем восточноевропейском пространстве, несмотря на кажущуюся стихийность, которую приписывали желанию новых независимых республик быстро дистанцироваться от бывшей метрополии, чтобы продемонстрировать свою самостоятельность, на самом деле была вполне системным явлением, по той причине, что с самого начала процесса размежевания в социалистическом лагере отчетливо проявилась тенденция «цивилизационной» перегруппировки новых независимых государств.

Анализируя ситуацию цивилизационного раскола, сложившуюся на постсоветском пространстве, прежде всего, следует отметить, что СССР смог объединить (но не синтезировать!) в своих границах народы, принадлежащие 4 разным цивилизациям: восточноевропейской, западноевропейской, исламской и буддийской. В силу того, что культурным ядром и основанием цивилизации является религия, процессы интеграции/дезинтеграции в Восточной Европе и на постсоветском пространстве во многом получили религиозное содержание или окраску. С другой стороны, сводить любого рода международный процесс к межконфессиональным отношениям также было бы неверным. В любом случае, при анализе международных отношений религиозно-цивилизационная парадигма имеет такую же методологическую ценность, как экономическая или политико-идеологическая.

Проанализируем, прежде всего, основания цивилизационного раскола в СССР. Во-первых, еще накануне распада Союза республики Центральной Азии (Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан) начали интенсивно реанимировать ислам как один из инструментов формирования новой идентичности, а по сути – просто возвращения к старой, но хорошо забытой идентичности. Азербайджан также мгновенно вернулся в орбиту исламского и тюркского влияния. Этот блок стран просто подтвердил свою исконную культурную принадлежность к исламской цивилизации. Во-вторых, Прибалтика (Эстония, Латвия и Литва) также довольно быстро вошла в западноевропейскую цивилизацию, от которой она «временно откололась» в 1940 г. Важной причиной «возвращения» этих стран стала традиционная распространенность в них протестантско-католической культуры, абсолютно доминирующей в пределах западноевропейской цивилизации.

Цивилизационная определенность вышеуказанных стран очевидна и однозначна. Однако не все так просто со всеми остальными странами экс-СССР, поэтому, прежде чем переходить к ним, необходимо обозначить такой феномен, как дезинтеграцию восточноевропейской цивилизации. Дело в том, что единство и целостность каждой цивилизации (несмотря на определенные противоречия, могущие возникать между отдельными странами и народами, формально в нее входящими) поддерживаются существованием мощного, в военнополитическом и экономическом отношении, ядра, в качестве которого может выступать одна страна или группа стран. Для западноевропейской цивилизации это ядро – США, Великобритания, Германия и Франция. Для исламской – Саудовская Аравия, Турция. Для буддийской – Тибет, Непал, Монголия, Таиланд. А для восточноевропейской? Казалось бы, ответ очевиден: Россия, однако реально обозначить за ней статус ядра восточноевропейской цивилизации крайне сложно в силу ряда причин: во-первых, экономической слабости и зависимости от иностранной кредитной поддержки; во-вторых, низкого потенциала обороноспособности; в-третьих, политической нестабильности, провоцирующей непоследовательность проводимого внешнеполитического курса; наконец, в-четвертых, внутренней «религиозной расколотости» страны.

Россия, которая долгое время была мощным экономическим и идеологическим центром Восточной Европы, ныне представляет собой конгломерат разных цивилизаций: «русские» регионы (которые составляют не только историческое ядро страны, но и выступают очагом православной культуры) выступают в качестве территории

распространения восточноевропейской цивилизации и соседствуют с регионами, где исторически развивалась мусульманская и буддийская цивилизации. И хотя Россию принято считать православной страной, она никогда не была религиозным монолитом. Вместе с тем, констатируя тот факт, что России удалось преодолеть внутренний сепаратизм и даже частично сохранить влияние в ближайших к себе зарубежных регионах, нужно признать, что она потеряла роль лидера в Восточной Европе. В поисках новых центров силы, к которым можно было бы присоединиться, пути восточноевропейских государств разошлись, отчасти по цивилизационным причинам, отчасти – по финансовым. Во многих государствах Восточной Европы начались бурные процессы осознания собственной цивилизационной принадлежности, которые еще не везде завершились. Вспыхнули межнациональные и межконфессиональные противоречия и вооруженные конфликты.

Параллельно, хотя и очень медленно, происходили процессы консолидации между исторически православными регионами России и ориентированными на связи с Россией регионами других государств – этот консолидационный процесс стал единственным препятствием для окончательного распада всей Восточноевропейской цивилизации.

Парадоксально, но эта консолидация шла через дезинтеграцию. Дело в том, что соседство разных, в цивилизационном смысле, регионов в границах одной страны вело к нарастанию центробежных и сепаратистских тенденций как в самой России (заявления о сепаратизме из состава РФ звучали именно из «неправославных» регионов – Чечни, Татарстана, Ингушетии, Калмыкии), так и в соседних странах. Так, от западно-ориентированной Грузии отошла Абхазия, тяготеющая к восточноевропейскому (пророссийскому) направлению. От Молдавии откололось Приднестровье, по той же причине. Украина также разделилась, в культурно-цивилизационном аспекте, на западно-ориентированную Правобережную и восточно-ориентированную – Левобережную, не считая проблемы Крыма, в котором сильны и восточноевропейские настроения, и исламско-тюркские. В Белоруссии и Армении внутреннего раскола не произошло, но это означало лишь то, что эти страны оказались избавлены от тяжелых внутренних конфликтов, но не от выбора Востока или Запада как внешнего ориентира.

Что касается Восточной Европы – Чехии, Венгрии, Словакии, Польши, Словении и Хорватии, то, помимо западных финансовых вливаний, именно распространенность в этих странах католицизма

способствовала быстрому вхождению этих стран в орбиту влияния западноевропейской цивилизации. Относительно Болгарии, Румынии, Македонии, Сербии и Черногории можно сказать, что их поворот к Западу произошел по тем же причинам, что и поворот Украины, Грузии и Молдавии и, еще раньше, Греции. Несмотря на то, что все эти страны – православные, их реальная или потенциальная ориентация на включение в западноевропейскую цивилизацию объясняется, прежде всего, поиском мощного лидера в регионе, сателлитом которого экономически и военно-политически стать выгодно и необходимо для собственного развития и безопасности. И если на Востоке такого лидера уже нет, то вполне логичным стал поворот к Западу, который сделал все, чтобы в собласте свои интересы в Юго-Восточной Европе. Мусульманские страны Южной Европы: Албания и Босния и Герцеговина, оказались в том же положении, что и Турция: они разрываются между постоянной необходимостью в финансовой поддержке и помощи Запада, а значит, и лояльности по отношению к нему, и общей культурно-религиозной ориентацией на исламскую цивилизацию.

Какие могут быть сделаны выводы из вышеизложенного? Во-первых, основным культурным наполнением Восточноевропейской цивилизации было и остается православие. Во-вторых, несмотря на потерю статуса супердержавы и положение «внутренне расколотого государства», Россия по-прежнему остается ключевой страной Восточноевропейской цивилизации и является полюсом притяжения для ближайших православных регионов или целых стран. В-третьих, Юго-Восточная Европа, потенциально составляющая пространство и границы Восточноевропейской цивилизации, в настоящий момент крайне дезинтегрирована и, в силу культурно-религиозных традиций, частично тяготеет к православной России, частично – к Западноевропейской, Исламской и Буддийской цивилизациям. В-четвертых, различные цивилизационные векторы тяготения (как стран в целом, так и их отдельных регионов) обуславливают катализацию межконфессионального и межнационального конфликтного потенциала. В-пятых, можно уверенно сделать вывод о том, что от некогда масштабной Восточноевропейской цивилизации сегодня осталась лишь большая часть России, Белоруссия, Армения, Абхазия и Приднестровье, а также левобережная часть Украины. Таким образом, можно сделать окончательный вывод, что возможности интеграции на восточноевропейском и постсоветском пространстве в целом широки, но ограничены цивилизационными императивами и балансом сил между отдельными государствами или их блоками, претендующими на контроль этого региона.

М.А. Шепелев

Место и роль Украины в интеграционных процессах в Евразии в контексте поиска механизмов обеспечения глобальной безопасности

События на Среднем Востоке заставляют рассматривать любые международные процессы, в том числе регионального характера, под углом зрения воздействия на них новой геополитической реальности. Именно этим объясняется необходимость подойти к раскрытию проблемы места и роли Украины в интеграционных процессах в Евразии с учетом глобального контекста.

Во-первых, агрессия США против Ирака, как и предшествующие ей события в Югославии и Афганистане, показывают, что очевидным стал институциональный кризис ООН, выражающийся в его неспособности реализовать главную функцию – быть инструментом поддержания мира, противодействия агрессии и наказания агрессоров. Также очевидным стал функциональный вакуум в системе международных организаций, выражающийся в том, что в условиях кризиса ООН не было создано альтернативных международных механизмов поддержания безопасности и стабильности. Можно ожидать, что по мере того, как США будут «увязать» в Ираке, и тем более в случае, если им удастся полностью его оккупировать, значительно ужесточится позиция Китая, который совместно с Ираном и другими исламскими странами, Индией и Бразилией, возможно, – Францией и Германией, попытается использовать создавшуюся ситуацию для формирования новой институциональной структуры международной безопасности, которая реально защищала бы интересы незападных цивилизаций и обеспечивала бы реальные механизмы сдерживания агрессии и гегемонизма. Блокирование со стороны США таких попыток неизбежно усилит межцивилизационное противостояние в мире. Так или иначе, в своем нынешнем виде ООН не сможет функционировать.

На повестку дня выходит задача коренного реформирования этой структуры на основе цивилизационного подхода. Речь идет о том, чтобы ООН стала не просто инструментом глобального диалога цивилизаций, но и эффективным средством регулирования внутри- и межцивилизационных отношений, которые становятся определяющими для судеб мира. Система глобального управления возможна только как система «цивилизационного симфонизма», которая, во-первых, обеспечивает участие всех цивилизаций в управлении глобальными процессами, а во-вторых, обеспечивает «цивилизационный суверенитет», т.е. право каждой цивилизации самостоятельно опреде-

лять принципы внутренней самоорганизации и отношений между своими членами.

На практике это выражается в реформировании Совета Безопасности ООН, в состав которого должны входить по одному представителю синской, индуистской, японской, исламской, православной, африканской, латиноамериканской цивилизаций, а также атлантической и европейской субцивилизаций Запада. На региональном уровне должны быть созданы организации, обеспечивающие безопасность и развитие каждой цивилизации. В одних случаях очевидно, что они будут формироваться вокруг стран-лидеров своих цивилизаций (Китай, Индия, Россия, Япония) или субцивилизации (США), в других случаях, когда имеет место конкуренция за лидерство (между Ираном, Турцией, Саудовской Аравией, Пакистаном – в исламском мире, между Ливией, Нигерией и ЮАР – на Черном континенте, между Бразилией, Аргентиной и Мексикой – в Латинской Америке), потребуются сформировать новые управленческие механизмы. Возможно, Европейскому Союзу удастся продвинуться в направлении конфедерации, что позволит обеспечить общее представительство европейской субцивилизации в новой глобальной системе безопасности.

Региональные структуры такого рода должны быть встроены в глобальную институционализированную систему. Следует на уровне международно-правовых актов закрепить ответственность стран-лидеров каждой цивилизации за поддержание мира, безопасности и стабильного развития в зоне их цивилизационного контроля. Обеспечение цивилизационной безопасности является первейшим условием совместного и эффективного решения глобальных проблем современности. Только таким образом возможно преодолеть опасности глобальной дестабилизации и глобального унифицирующего тоталитаризма. Новый регионализм на цивилизационной основе может стать базой для такой модели мирового порядка, которая создаст условия для успешного диалога Север-Юг, обеспечит сочетание интеграционных процессов с сохранением и развитием культурно-цивилизационного многообразия в рамках больших геополитических пространств Евроафрики, Средней Евразии и Восточной Азии. В горизонтальном измерении, позволяющем создать механизмы междоцивилизационного диалога Восток-Запад, ее дополнением может стать континентальная интеграция этих трех геополитических пространств, и в ее осуществлении особую роль может сыграть Украина. Речь идет о концепте Большой Европы от Атлантики до Тихого океана.

Основополагающие внешнеполитические шаги Украины последних полутора-двух лет – и заявление о намерениях вступить в НАТО,

подчеркнутое стремление к ассоциированному членству в ЕС, и одновременно движение в направлении вступления в ЕврАзЭС, председательство в Совете глав государств СНГ и участие в создании единого экономического пространства четырех государств – показали, что во внешней политике Украины сохраняется основная проблема, состоящая в неспособности преодолеть буферную геополитическую природу Украины. По-прежнему стремление к политическому сближению с Западом сочетается с невозможностью игнорировать экономическую зависимость от России. За десять лет независимости Украина так и не решила эту проблему. Она так и не стала полноценным геополитическим субъектом, и внешние воздействия на национальный политический процесс с течением времени только усиливаются.

Тем не менее сделанные Украиной внешнеполитические шаги создают предпосылки для реального прорыва в разрешении указанной проблемы. Для их осознания необходим коренной пересмотр оценки места и роли Украины в мире. Сегодня Украина рассматривается как европейское государство, по принципу – «с Россией или без нее, не важно, но мы идем в Европу». Тем самым закрепляется периферийный статус Украины в европейском и евроатлантическом пространстве. Для внешнеполитического прорыва ей необходимо выдвинуть и реализовать такой геополитический проект, который был бы невозможен без центральной, интегрирующей роли Украины. Представляется, что его основой может стать идея Большой Европы от Атлантики до Тихого океана – единой системы коллективной безопасности, единого экономического, правового и информационного пространства, интегрированного также в политической сфере. Именно идея Большой Европы сегодня положена в основу российско-европейского сближения.

Главным фактором, способным подвинуть к движению в этом направлении, является нарастание противоречий между США и лидирующим в ЕС франко-германским альянсом. События вокруг Ирака актуализировали, казалось бы, давно списанную на свалку истории концепцию «Евро-советской империи от Дублина до Владивостока» бельгийского геополитика Ж. Тириара. Понятно, что континентальный геополитический блок Европы и России немислим без Украины.

Предпосылками для реализации такого сценария также являются наметившиеся тенденции в сближении России с ЕС и НАТО, с одной стороны, и шаги в направлении включения Украины в формируемые Россией интеграционные структуры на фоне кризиса ГУУАМ, с другой стороны, а также назревшие задачи реформирования ОБСЕ и Совета Европы. Именно Украина может инициировать системную трансформацию европейских институтов, направленную на структурно-

функциональное согласование деятельности ЕС, ОБСЕ и СЕ, а также гармонизацию экономических и правовых механизмов ЕС и ЕврАзЭС (СНГ). Это отвечает как интересам ЕС, стремящегося закрепить за собой центральную роль в обеспечении европейской безопасности, так и интересам России, стремящейся найти формулу, сочетающую ориентацию на сближение с ЕС и сохранение за собой геополитического контроля над постсоветским пространством.

Реализация проекта Большой Европы позволит Украине принципиально изменить свое геополитическое положение, став связующим элементом в системе ЕС-СНГ. Такая новая роль позволит компенсировать неудачу проекта ГУУАМ, где Украина по сути рассматривалась как лидер «оппозиции» внутри СНГ. Поэтому следует официально подчеркивать, что Украина крайне заинтересована в как можно более тесном сближении России с ЕС, так как это снимает проблему буферности ее геополитического положения и существенно повышает значение нашей страны. Движение двух стран в общем направлении снижает для Украины и проблему внутривнутриполитической курсу на интеграцию в европейские и евроатлантические структуры, так как это является «картой» в руках пророссийски настроенных политических сил.

Следует учитывать, что Россия сегодня имеет гораздо более значительный опыт реального сотрудничества с Евросоюзом. Речь идет о «Северном измерении», и в частности о таких механизмах трансграничного сотрудничества, как Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР). Этот опыт нельзя не использовать и в отношениях Украины с ЕС. Вместе с тем в процессе согласования европейской интеграционной политики Украины и России нельзя не признавать, что специфические проблемы в отношениях России с ЕС (подобные проблеме Калининградской области), конечно, могут осложнять движение Украины в направлении европейской интеграции. Но это не означает, что такие проблемы создают основания для противопоставления украинской и российской политики европейской интеграции.

Евросоюз стремится, с одной стороны, «закрыться» от негативных внешних воздействий, но, с другой стороны, сохраняется и набирает силу процесс его расширения, и сегодня непонятно, где он закончится. Сами европейцы должны быть заинтересованы в том, чтобы обеспечить гармоничный характер отношений с окружающим миром, исключая для них ситуацию «осажденной крепости». Поэтому важно показать им, что необходимо создание четких и действенных общеевропейских политических и экономических структур, которые обеспечивали бы как интересы стран ЕС в пространстве Большой Ев-

ропы, так и нормальный, недискриминационный режим для экономических и культурных связей внутри этого пространства.

Хотя Евросоюз обычно рассматривал Россию скорее как вызов своей безопасности, перспектива конфронтации с США заставит его пересмотреть этот взгляд. Россия ныне не представляет большого интереса для ЕС, поскольку на ее долю приходится только 3,5% общего объема торговли стран ЕС. Ожидаемый всплеск автаркических процессов должен будет заставить их пересмотреть свой подход к России. Для последней же Европа является приоритетной сферой экономических интересов, поскольку партнерство с США не дало ожидаемых результатов, а для успешной и сколько-нибудь быстрой интеграции в экономическое пространство АТР сегодня имеются слабые возможности. Все это может стать важным моментом при формировании конфигурации соотношения сил в грядущих геэкономических войнах.

В условиях, когда стало очевидным сближение России с ЕС, Украина может инициировать шаги, направленные на согласование интеграционной политики с Россией и другими странами СНГ. Основой такого согласования может стать принятие в качестве базовой идеи Большой Европы. Этот курс может стать общим, согласованным внешнеполитическим курсом всех стран СНГ. В этой ситуации Украина окажется лидером в процессе сближения постсоветских и европейских государств. Возможно, целесообразно создать специализированные рабочие структуры по координации политики европейской интеграции на уровне Министерств иностранных дел. Такой поворот также подкрепляется необходимостью поиска более эффективных механизмов в реализации трансконтинентальных коммуникационных проектов, ради которых создавался ГУУАМ. Сейчас стало понятно, что без участия России реализовать эти проекты не удастся, а от рассогласования в интеграционной политике двух стран Украина может скорее потерять, чем выиграть.

Украина совместно с Россией может инициировать принятие в качестве основы формирования Большой Европы модели разноскоростной и разноуровневой интеграции. При такой модели можно будет сформировать три уровня интегрированности: 1) страны ЕС; 2) ассоциированные члены ЕС; 3) страны, входящие в новые политические и экономические институты Большой Европы, которые должны быть созданы с участием Украины и России; 4) страны, входящие в ОБСЕ. При этом должны быть сформулированы условия и созданы механизмы перехода с одного уровня на другой. Такой механизм нейтрализует возможность противодействия вступлению Украины в ЕС со стороны России.

Сегодня Украину явно не удовлетворяет предлагаемый ей статус государства-соседа ЕС. Он непонятен, как непонятны и перспективы развития отношений Евросоюза со своими столь разными «соседями», как Украина, Россия, Молдова и Белоруссия. Необходимо и более адекватное новым реалиям политическое оформление общеевропейского процесса. Возможно, его основой может стать Совет Европы.

Представляется, что современная политическая Европа крайне нуждается в создании общеевропейской интеграционной структуры, которая в первую очередь стала бы основой формирования общеевропейской системы коллективной безопасности силами самих европейцев (с участием России, но без участия США и Канады). Нынешняя структура ОБСЕ весьма аморфна и чрезмерно широка по составу своих участников. Она не удовлетворяет ни европейцев, ни россиян. Видимо, в качестве исходного пункта при ее формировании можно взять создание координационного механизма в сфере безопасности на уровне ЕС – СНГ. Украина вполне может выступить инициатором начала диалога в этой плоскости, и главным предметом этого диалога может стать проблема нелегальной миграции и международного терроризма. Очевидно, что эти проблемы не могут быть решены в формате отношений ЕС – Россия или ЕС – Украина, так как главными их источниками являются отнюдь не Россия или Украина.

Общей почвой для сближения ЕС, России и Украины может стать и обозначившаяся линия США на установление стратегического контроля над континентальными коммуникациями в Евразии. Появление континентов НАТО в Грузии и Узбекистане, возможность аналогичного развития событий в Молдове, т.е. по линии коридора Европа – Кавказ – Азия, оказывается симптоматичным. Эта тенденция противоречит стратегическим интересам как ЕС, так и России. Для предотвращения развития событий по югославскому сценарию в других регионах Большой Европы необходимо двигаться в направлении создания действенных механизмов обеспечения международной безопасности, включая Совет общеевропейской безопасности и подчиненные ему общеевропейские силы быстрого реагирования. В такого рода структурах Украина будет иметь реальный вес.

Поворот в сторону выстраивания общеевропейской континентальной архитектуры безопасности, общеевропейского экономического и социального пространства позволит вывести на новый уровень и отношения с Республикой Беларусь, на сегодняшний день явно не соответствующие ожиданиям двух народов и экономическим возможностям наших стран. Ориентация исключительно на самостоятельную интеграцию в европейские структуры, без участия России и

Беларуси, уже сегодня привела к тому, что доля Украины в белорусском товарообороте в первой половине 2002 г. составила всего 3%, тогда как доля России – свыше 56%. Усиливается информационный разрыв между нашими странами, что дополняется тенденциозным освещением политической и социально-экономической ситуации в братской республике украинскими СМИ. Как Украина, так и Россия и Беларусь своей стратегической целью определили европейскую интеграцию, но до сих пор движение в одном направлении они осуществляют абсолютно нескоординированно, в ущерб интересам каждого из трех государств.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что именно идея Большой Европы должна стать основой согласованной украинской и российской внешней политики, что именно она способна решить ключевые внешне- и внутривнутриполитические проблемы нашей страны, что она является единственным оптимальным выходом из того геополитического положения, в котором находится Украина.

И.Н. Юдина

Трансформация роли государств и регионов в эру глобализации

В период системной трансформации новые независимые страны пытаются найти свое место в мире. Россия, утратившая свои экономические и политические возможности доминировать в бывшем постсоветском пространстве, в последнее время пытается наладить партнерские отношения со странами-соседями, выстраивая их на позициях прагматизма и с целью создания противовеса супердержавам в развернувшемся геэкономическом соперничестве. В связи с этим возрастает экономическая составляющая внешнеполитического курса правительства, направленного, во-первых, на укрепление могущества и процветания страны – нации; а во-вторых, на предотвращение угрозы подрыва экономической безопасности страны силами, идущими извне и изнутри. Для России процесс поиска своего места в современном мире проходит особенно болезненно из-за слабости государства и неразвитости рыночных сил. Возрождение страны должно происходить силами, идущими снизу вверх, из регионов, которым должно быть предоставлено достаточно экономической автономии в поисках оптимальных вариантов для выхода из кризиса в рамках общенациональной стратегии развития.

Трансформация, произошедшая в системе мирового хозяйства в конце XX в., поставила на повестку дня много новых вопросов, касающихся геополитической и геэкономической реальности совре-

менного мира. Во-первых, мир стал более динамичным, разнородным, наступательным. Запад пытается навязать свои либеральные ценности другим культурам, а незападные общества, обретя независимость, стремятся освободиться от западного экономического, военного и культурного господства. Нарастание разногласий между цивилизациями, как считает профессор С. Хантингтон, будет происходить по всем направлениям, в т.ч. в экономической сфере: торговле, инвестициях. Сфера влияний основных держав в мире будет расширяться путем завоевания господства экономическими способами над пространством и рынками. На повестку дня встает вопрос о геоэкономическом соперничестве нарождающихся супердержав-регионов.

Происходит формирование новой системы мирового хозяйствования, в рамках которой складывается несколько социально-экономических ареалов, возникающих на основе структурообразующих алгоритмов построения хозяйственной практики и фундаментальных конкурентных преимуществ, реализуемых в системе мирового разделения труда и, как следствие, обладающих собственной системой политических и экономических приоритетов. В мировой политике все более укрепляется конфигурация «нового регионализма» – Североатлантического, Тихоокеанского, Евразийского, «Южного» геоэкономических ареалов, все более утверждающихся в качестве единых социально-экономических комплексов, характеризующихся значительной степенью единства целей и интересов составляющих их государств.

Можно предположить, что в XXI в. мир будет состоять целиком из региональных экономических блоков. Регион-государство знаменует разрыв связей между политикой и экономикой, между законностью и богатством. С одной стороны, растет число регионов, чье единство обеспечивается совместным процветанием; они начинают играть все более заметную самостоятельную роль в рамках мировой экономики. С другой стороны, наследие прошлого – государства – продолжает существовать, несмотря на утрату значительной части своих функций. Государство остается территориальным образованием, которое несет ответственность за благополучие своего населения. На рубеже XX–XXI вв. перед ним стоит трудная задача: как сохранить целостность и само существование своей территории и своего населения в эпоху резко возросшей взаимозависимости?

Реалии современного глобализирующегося мира таковы, что мощь государства-нации подрывается, с одной стороны, силами сверху – на транснациональном уровне, а с другой стороны – силами снизу, тенденциями к регионализации и дроблению государств. Политически государства остаются суверенами, а экономически их мощь может изменяться под воздействием сил глобализации.

Но в конце XX в. возник еще один вопрос: чем объяснить возросший интерес к изучению связей между экономикой, пространством и мощностью? Конечно, геоэкономика теперь в моде, но любая мода является отражением наиболее характерных черт своей эпохи. С этой точки зрения, специфика конца XX в. характеризуется тремя факторами. Во-первых, происходит углубление взаимозависимости стран в различных областях (торговля, инвестиции, перемещение капиталов, обмен технологиями), что способствует еще большему усилению этой взаимозависимости. Во-вторых, важнейшие отрасли экономики отдельных стран (сельское хозяйство, промышленность, услуги) работают не только и не столько на национальный рынок, сколько на международный. В-третьих, большинство стран связывает свое будущее, свое выживание со своей способностью участвовать в международном технико-экономическом соревновании. Одновременно следует отметить, что с точки зрения геоэкономики мировое экономическое пространство отличается существенной неоднородностью и фрагментарностью. Происходит интеграция огромного большинства государств в единую экономическую систему, хотя между ними сохраняются заметные различия в уровне развития, что лишь интенсифицирует потоки товаров, капитала, людей.

Например, капитал по своей природе очень мобильный, он может создавать прибыль в одном месте, а платить налоги в другом. Капитал уходит туда, где для него созданы лучшие условия, он иногда действует конъюнктурно, чаще – и стратегически, но почти всегда принимает во внимание экономические и отчасти политические цели. Правила игры на глобальном рынке меняются. Уже не столько капитал ищет покровительство у государства, сколько государство (регион) «заигрывает» с крупным капиталом. Богатые государства (регионы) в таком мире будут образовывать архипелаг, стоящий в окружении океана бедности. Возникают конкурирующие интересы хозяйственных, социальных, политических акторов, и эти интересы уже не представляют собой единый «национальный интерес». Центрами притяжения становятся мультинациональные предприятия (Штаб-квартиры «мульти») или города-государства или быстроразвивающиеся регионы («треугольники» роста в Юго-Восточной Азии на границе пограничных государств).

Нерегулируемый регионализм ослабляет эффективность государственного регулирования и в целом может привести к утрате государственного могущества. История не раз нам преподавала уроки возвышения и крушения великих наций. Страны, не сумевшие приспособиться к вызовам, идущим изнутри или извне, были обречены на умирание и становились мишенью других быстро возвышающихся наций.

Сейчас Россия не только понизила свой статус до уровня региональной державы в масштабах СНГ, но и быстро утрачивает свое влияние среди своих стран-соседей, довольствуясь лишь второстепенной ролью. В условиях ограниченных возможностей (прежде всего, экономических и военных) политический вес нашей страны в приграничных с ней формирующихся геоэкономических пространствах Азии за последнее время заметно снизилась, в то время как роль ее восточного соседа Китая возросла до масштабов пока что региональной державы, а в скором будущем – и супердержавы.

Пессимистические прогнозы относительно места России во многом связаны с тем, что нынешняя отечественная политика не учитывает императив глобализации. Условием возрождения России является не эксплуатация имеющихся на сегодня ресурсов – большие пространства, сырье и квалифицированная рабочая сила, а способность к технологическим инновациям, интеллектуальная и политическая свобода, как это сегодня демонстрируют восточно-азиатские «тигры».

На мой взгляд, главная проблема на пути развития глобализации заключается в том, что она не получила признания среди разработчиков национальных вариантов экономической политики, не стала составной частью национальных стратегий экономического развития. Задача сторонников идеи глобализации заключается не в том, чтобы противопоставлять ее национальному развитию. Напротив, неэффективная адаптация к мировым рынкам лишает страну и ее экономических субъектов больших выгод от экономического сотрудничества и влечет за собой серьезные потери.

На фоне усиления топливно-сырьевой ориентации национальной экономики, разрушительного характера внешнеэкономических связей представляется перспективным переход к новому уровню государственного регулирования экономических процессов. Так, в аналитическом докладе Совета Федерации Федерального Собрания РФ отмечается, что «в условиях характерной для современной экономики глобализации хозяйственных связей и международной экономической интеграции серьезные изменения претерпевают и функции государства во внешних отношениях, существенно усложняются инструменты государственной защиты национальных интересов». Об этом свидетельствует и мировой опыт. Как отмечают эксперты, «государственный рынок промышленно развитых стран, как правило, связан с ключевыми сферами экономики: сельским хозяйством, ТЭКом, транспортом, оборонными и научно-техническими комплексами. Здесь государство по существу выступает основным заказчиком, подчас и главным потребителем производимых этими отраслями хозяйства товаров и услуг».

используя два основных механизма: федеральный бюджет и федеральную контрактную систему. Принимая во внимание неблагоприятные природные условия для ведения бизнеса в России – суровые климатические условия, протяженность расстояний и изношенность инфраструктуры, дорогостоящие транспортные услуги, мы понимаем, что повысить свой вес в геоэкономическом соперничестве страна может только усилив функции государства в политике распределения ресурсов и осуществляя (по опыту Китая) меркантилистский контроль за движением капитала (т.е. создавать благоприятные условия в своей стране для развития собственного производства).

В чем состоит трансформация функций государства в новых условиях глобального окружения (глобализации рынка товаров и услуг, роста давления со стороны супранациональных и субфедеральных акторов)? Может ли федеральный Центр в условиях большей открытости рынков и кризиса государственных финансов быть цементирующим или связующим звеном государственного территориального устройства, или Россия стоит перед угрозой дезинтеграции? Как на фоне происходящих политических и экономических изменений в мире выглядит место России и ее регионов?

Сама Россия более неоднородна и не только в силу своих обширных пространств, но и в том, что образующие ее регионы (субфедеральный уровень) по разному ориентированы вовне. Мощный импульс для развития сейчас получили те регионы, чья продукция конкурентоспособна на мировом рынке. Возникает такая ситуация, когда отдельные регионы могут быть более финансово могущественны и более интегрированы в мировую экономику, чем само государство в целом, а отсюда неизбежность усиления центробежных сил в экономической и политической сферах в границах одного государства.

В результате развития подобных тенденций в мире происходят глубинные изменения в характере отношений между государствами, связанные с замещением системообразующих факторов международных отношений. При этом показательно введение в оборот понятия «геоэкономика», которое призвано отразить новое качество процессов экономического развития и экономической интеграции. Не случайно ряд исследователей предлагает заменить понятие «международная экономика» понятием «мировая политическая экономика», поскольку все более очевидно утверждение экономического фактора в качестве главного ресурса политики.

Геоэкономика по-своему формулирует два основных вопроса геополитики: что такое мощь? Где и как она материализуется? В соответствии с положениями геополитики, сформулированными англича-

нином Х. Маккиндером и немцем К. Хаусхофером, гарантией могущества государства является контроль над элементами, обладающими большой массой (территорией, людьми, сырьевыми ресурсами). Понятия «мощь» и «безопасность» неразрывно связаны между собой. Обладать мощью – значит располагать как можно большим количеством разнообразных ресурсов.

Со своей стороны, геоэкономика стремится отождествлять могущество с контролем над международными сетями. Могущество проистекает из способности создавать международные сети (торговые пути, каналы передачи информации или изображения), использовать их, извлекать из них прибыль. При этом могуществом обладает тот, кто занимает стратегическое положение в международной сети или в совокупности международных сетей и обладает талантом максимально использовать свои преимущества.

Геоэкономическое соперничество в современном мире развивается по законам постиндустриального развития. В нем побеждает не ресурсная составляющая богатства нации, а интеллектуальная составляющая (как показал послевоенный опыт развития «азиатских тигров»). На мировой арене в этом случае баланс сил и баланс интересов скорее будет поддерживаться не военными методами, а экономическим – завоеванием мировых рынков не только и не столько через торговлю, сколько через инвестиции и способность предлагать миру новые технологии.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.
2. Грэхем Т. Мир без России // НГ-сценарии. 1999. №11.
3. Гусаков Н.П., Зотова Н.А. Национальные интересы и внешнеэкономическая безопасность России. М., 1998.
4. Жан К., Савона П. Геоэкономика. М., 1997.
5. Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло // Pro et Contra. 1999. Т. 4. №4. С. 68–69.
6. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М., 1996.
7. Неклесса А.И. Эпилог истории // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000.
8. О мерах по совершенствованию государственного регулирования экономики и корректировке экономической реформы: Аналитический доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ. М., 1997.
9. Edward N. Luttwak. From Geopolitics to Goeconomics. Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest, Summer 1990. P. 17–23.
10. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N.Y., 1996.